

⚠18+

Барбара Кувер

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

Как прошлое
управляет
нашей жизнью

Д

Сам себе психолог (Питер)

Барбара Кувер

**Семейная тайна. Как прошлое
управляет нашей жизнью**

«Питер (Айлиб)»

2000

УДК 88.56
ББК 159.9:316.36

Кувер Б.

Семейная тайна. Как прошлое управляет нашей жизнью /
Б. Кувер — «Питер (Айлиб)», 2000 — (Сам себе психолог
(Питер))

ISBN 978-5-4461-4584-3

Расплачивается ли человек за ошибки своих предков? Сегодня генеалогия, семейная история и семейные тайны интересуют многих. Но что имеется в виду? С истинно педагогическим чутьем Барбара Кувер объясняет, что такое семейная тайна: это то, что было скрыто не только от посторонних, но и от собственных детей. Такая тайна часто связана с ложью, и даже спустя много лет она влияет на семью или на кого-то из ее членов. Роду приходится обновлять эту тайну снова и снова, чтобы дать травме слово и освободиться от повторяющихся драм. Эта книга для тех, кто готов услышать правду о своих предках и освободиться от ее тяжести.

УДК 88.56
ББК 159.9:316.36

ISBN 978-5-4461-4584-3

© Кувер Б., 2000
© Питер (Айлиб), 2000

Содержание

Введение	6
Семейная тайна	8
Замалчивание	8
Тайна	9
Семейная тайна	10
Что мы скрываем?	11
Свидетельства и свидетели	12
Свидетели, с которыми я встречалась	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Барбара Кувер
Семейная тайна. Как прошлое
управляет нашей жизнью

© ООО Издательство "Питер", 2026

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Введение

Моему отцу

Моей матери

Элиоту и Жюли

Я была одержима своим расследованием; я не знала, что именно я ищу, но знала, что нахожусь в постоянном поиске. Даже спустя десять лет после смерти своего отца я все еще страдала от его жестокости. Я не понимала, почему он лишил нас наследства, и задавалась вопросом, как могло случиться, что ни у одной из четырех его дочерей нет детей¹. Я видела в этом некую взаимосвязь, но не понимала, как она работает. Жестокость отца не должна была мешать его детям заводить собственных детей, поэтому мне казалось, что здесь присутствовала какая-то иная, менее явная причина. В то время я еще не догадывалась, что имею дело с отголосками семейной тайны.

Как ни странно, путеводной нитью для меня послужила бессонница. Я плохо спала уже долгое время, и особенно в начале сентября каждого года. Анн Анселин Шутценбергер², с которой я поделилась своей проблемой, выдвинула гипотезу, что такой повторяющийся паттерн может быть обусловлен наличием важной даты в истории моей семьи. «Ну, конечно! – воскликнула я. – Битва при Седане!» Действительно, отец очень часто рассказывал нам, что его дед (мой прадед) был участником битвы при Седане³ (которая состоялась 1 и 2 сентября 1870 года), хотя ему на тот момент было всего шесть лет. Данный факт, который, казалось бы, делал его героем, одновременно представлялся еще и окончательно определяющим происхождение нашей семьи.

У меня ушло два или три года на то, чтобы выяснить, что эта история пусть и не была полной выдумкой, но являлась правдивой лишь отчасти. Грандиозное и драматическое историческое событие (известное под названием «Седанская катастрофа») в нашем случае служило надежным прикрытием того факта, что мой прадед был «незаконнорожденным» ребенком ткачихи. Для ребенка и его матери трудно было бы представить более низкий социальный статус. Но тот факт, что прадед стал свидетелем этой исторической битвы, странным образом превращал его в героя.

В таком представлении данная история остается набором сухих фактов, не дающих возможности понять, как эта семейная тайна могла порождать жестокость и различные страхи. Именно установление связи между бессонницей и битвой при Седане привело меня к идее о бессознательной передаче травм и секретов из поколения в поколение. Я предприняла попытку воссоздать, насколько это было возможно, историю и генеалогию семьи моего отца. Некоторые ее части оказались скрытыми, другие передавались в искаженном виде. По мере взросления мы получали от родителей обрывочные сведения, но при этом сами они не были посвящены в исторические и генеалогические детали, которые мне удалось в итоге выяснить. Восстановление семейной истории, скрытой за дымовой завесой исторической битвы, привело меня также

¹ Элиот и Жюли родились позже. – *Примеч. авт.*

² Психолог, сыгравшая ключевую роль во внедрении метода психодрамы во Франции, автор книги «*Aie, mes ai'eux*» – *Примеч. авт.*

³ Битва при Седане, также известная как Седанская катастрофа, – генеральное сражение Франко-прусской войны, произошедшее 1 сентября 1870 года близ небольшого французского города Седана. Закончившись полным разгромом основных сил французской армии и пленением Наполеона III, она определила исход войны. – *Примеч. ред.*

к пониманию того, как она и связанные с ней тайны повлияли на моего отца и отразились на его отношениях с нами, сделав невозможной передачу некоторых вещей.

Шок, вызванный этим открытием, которое, по сути, означало, что часть моего жизненного опыта была обусловлена событиями, связанными с историей моего прадеда, и в более общем плане трудности с пониманием и управлением эмоциями, вызванными раскрытием степени влияния и механизма воздействия семейной тайны, легли в основу данной книги. Я почувствовала необходимость встретиться и поработать со свидетелями, создателями и наследниками, причастными к семейной тайне. То, что они мне рассказали, позволило в итоге воссоздать порой убийственные психологические и социологические «механизмы», созданные ее хранителями. В этой книге я описываю как само проведенное мной исследование, так и то, каким образом оно помогает освободиться от последствий, порожденных семейной тайной.

Семейная тайна

Не всякое молчание – секрет, и не каждый секрет – семейная тайна.

Замалчивание

Замалчивание – это не обязательно намеренное желание что-то скрыть. Невозможно рассказать абсолютно все: для этого может не быть желания или времени, или вы можете просто не видеть в этом смысла. Кроме того, вполне нормально держать при себе некоторые истории или мысли. Внутри каждой семьи, в каких бы отношениях ни состояли ее члены, обязательно присутствует нечто невысказанное. Равно как и неслышанное: мы довольно часто бываем невнимательны или не подозреваем о важности того, что нам говорят.

Иногда замалчивание порождается Историей. В качестве примера можно привести опыт тех, кто пережил ужасы нацистских лагерей смерти во время Второй мировой войны. Натали Зайд, внучка евреев, уничтоженных в Освенциме, встречалась и разговаривала с детьми выживших. При этом она заметила одну черту, свойственную каждой из опрошенных семей: нежелание родителей рассказывать о пережитом опыте. По ее мнению, такое поведение обусловлено уверенностью выживших, что их опыт невозможно передать тем, кто его не пережил, настолько он далек по своему ужасу и абсурду от любых представлений о нормальности. Эта «непередаваемость» имеет межпоколенческие последствия, которые можно сравнить с теми, что порождаются семейной тайной, и которые Натали Зайд описывает в своей книге⁴.

⁴ Nathalie Zajde, «Enfants de survivants. La transmission du traumatisme chez les enfants des Juifs survivants de l'extermination nazie», 1999.

Тайна

Тайна не является одним из такого рода замалчиваний: она представляет собой намеренное сокрытие чего-либо от кого-либо. И, как мы увидим далее, сохранение тайны невозможно без принятия соответствующего решения и его практической реализации стараниями добровольных или вынужденных соучастников. Таким образом, тайна с момента своего появления вписывается в систему отношений, которую она, в свою очередь, трансформирует и помогает поддерживать. Это приводит к возникновению разделяющей дистанции не только между теми, кто посвящен, и теми, кто не посвящен, или, скорее, между теми, кто имеет право знать, и теми, кто не имеет такого права, но также между теми, кто принимает решение о введении режима секретности, и теми, кому навязывается соблюдение этого режима.

Семейная тайна

До выхода на пенсию г-жа З. считала себя потомком русских и английских аристократов, чьи портреты до сих пор украшают ее кабинет. Получив в свое распоряжение больше свободного времени, она начинает генеалогические исследования, которые полностью опровергают ее прежние представления. Выяснилось, что на самом деле ее прадедушка и прабабушка были пекарями и актерами-любителями, которые в конце 1780-х годов при невыясненных обстоятельствах оказались в России. Г-жа З. вспоминает, что в ее детстве дедушка и бабушка рассказывали о России, о холоде и волках, и сожалеет, что не пыталась узнать больше подробностей всех перипетий их жизни. Помимо прочего, она обнаружила, что в определенный период прадедушка и прабабушка были разлучены более чем на год: дедушка находился в тюрьме, а бабушка была вынуждена работать на корабле, курсирующем по Волге. В это самое время на свет появляется младенец, которого выдают за ребенка этой пары... И здесь мы соприкасаемся с семейной тайной: все документы того времени были сожжены одним из двоюродных дедушек. Не осталось никаких следов кроме (предполагаемых) портретов предков, нескольких вышитых кружевных платочков и открытки с изображением теплохода, которая была датирована и подписана следующим образом: «В память о нашей одиссее по Волге». Все эти предметы были обнаружены г-жой З. при обстоятельствах, почти столь же невероятных, как и вся история ее предков.

Семейная тайна становится таковой только тогда, когда она раскрывается, поэтому можно предположить, что многие секреты так никогда и не обретают этот статус. Настоящая семейная тайна касается произошедших в семье событий, о которых один или несколько ее членов умалчивают либо перед другими членами семьи, либо перед посторонними людьми. Именно тот факт, что она касается семьи, придает тайне свойства, которые оказывают дальнейшее воздействие, поскольку семью нельзя рассматривать просто как небольшую нейтрально настроенную группу: отношения, связывающие ее членов, имеют для них особую важность и являются специфическими для каждой отдельной семьи.

Управление семейными отношениями может оказаться особенно сложным, когда в семье происходят драматические события. Например, станет ли мать рассказывать своим детям, что ее собственный отец отбывает срок за убийство? Как женщина может сказать кому-то (или даже подумать), что ее муж – педофил? Понятно, что молчание посвященного члена семьи, которое, возможно, распространяется им даже на самого себя, представляет собой практическое решение, но при этом оно способствует разрушению семейных и социальных отношений. Жермен, «крестный» Фанни, являющийся на самом деле ее отцом, рассказал мне о мучительных переживаниях старших братьев Фанни, которые привели к тому, что один из них встал на сторону матери, а другой – на сторону отца, хотя между ними не было объявленного конфликта.

Помимо характерной для отношений между родителями и детьми эмоциональности и даже страсти, эти отношения включены в особую социальную ситуацию; и потребность в социальном позиционировании может являться как для семьи, так и для каждого из ее членов столь же, если не более, сильной, как потребность в любви. Так, анализируя юношеские стихи своего деда Ксавье-Эдуара, Мишель и Филипп Лежён видят в них «чувства, в которых социальный статус столь же значим, как и эмоциональные отношения»⁵. То же самое мы наблюдаем в одной из сюжетных линий романа Ирэн Фрэн⁶.

⁵ Lejeune X.-É. Calicot. Enquête de Michel et Philippe Lejeune. Paris: Archaud-Montalba, 1984, p. 149.

⁶ Frain I. Secret de famille. Paris: Livre de poche, 1995.

Что мы скрываем?

Семейную тайну довольно часто путают с тайной происхождения. Эта путаница связана с тем, что вторая разновидность имеет относительно более широкое распространение и, что более важно, чаще раскрывается или угадывается. На самом деле семейные тайны отличаются большим разнообразием: члены семьи умалчивают о том, чего стыдятся, или о том, что необходимо скрывать в целях выживания или сохранения социального статуса. Сюда относятся: судебные приговоры, участие в мошенничестве или других преступлениях, факты разорения, развода или существования второй семьи. Не менее тщательно скрываются случаи алкоголизма и наркомании, сумасшествия, гомосексуализма, самоубийств или неграмотность. Под покровом тайны остаются и все виды семейного насилия. В наши дни пресса регулярно освещает случаи насилия, в частности сексуального характера, пережитые детьми в обстановке замалчивания со стороны окружения или персонала спецучреждений. Наконец, к наиболее тщательно охраняемым секретам относится поведение членов семьи во время последней войны. Как это ни удивительно, но такие тайны могут скрывать в том числе и героические поступки, если они имели место при парадоксальных обстоятельствах. Так, например, в 1940 году французский летчик защищал свой гидросамолет от англичан, которые пытались его потопить (чтобы он не попал в руки немцев). Сюда же можно отнести историю моей бабушки, которую обвинили в коллаборационизме, хотя она помогала еврейским семьям, передавая им продовольствие во время оккупации.

Свидетельства и свидетели

Я встречалась со многими свидетелями, авторами и жертвами семейных тайн. Некоторые из них предпочли раскрыть мне только часть своих секретов, объясняя это тем, что полное раскрытие все еще сопряжено с определенными рисками. Другие соглашались поговорить при условии, что ничто из мною написанного не будет указывать на конкретных людей, поскольку эта информация может затронуть их близких или даже поставить под угрозу чью-то жизнь.

Большинство услышанных мной рассказов и свидетельств имеют общую черту – они в значительной степени сбивчивы. Порой повествование оказывалось настолько запутанным, а факты столь явно не стыковались друг с другом, что эти истории можно было назвать даже бессвязными. Часто случается, что кто-то из членов семьи отрицает, иногда совершенно искренне, что то или иное событие имело место, или не признает сам факт существования какой-либо тайны. Например, когда я говорю маме, что внебрачное происхождение нашего прадеда являлось тайной, она отвечает, что папа никогда этого не скрывал. Она просто забывает, что сама узнала об этом только в день свадьбы... от своей свекрови. Возможно, после такого признания мой отец и мог свободно обсуждать эту тему со своей женой, но нам, своим детям, он смог раскрыть данный факт семейной биографии лишь тогда, когда мы стали «достаточно взрослыми, чтобы понять» и расшифровать часто употребляемый им перифраз: «Здесь побывали пруссаки».

Сомнение и отрицание порой настолько сильны, что, даже занявшись расследованиями, некоторые в конце концов начинают задаваться вопросом, а существует ли на самом деле какая-то тайна. Когда Сюзанна наконец заставила свою мать признаться, что та родила ее не от мужа, а от своего возлюбленного, который был алжирцем, она позвонила своей самой близкой кузине: «Я сказала ей, что узнала, что мой отец был алжирцем. На что та ответила: “Ты серьезно? Разве ты не знала?”» Нет, Сюзанна не знала и к тому же была крайне раздосадована, обнаружив, что другие знали, но не говорили ей правду, которую она искала в течение многих лет. В результате она пришла к следующему выводу: «Моя тайна не была тайной. То есть она являлась тайной для всех, кроме меня, и, соответственно, не могла считаться настоящей семейной тайной...» Однако именно замалчивание, отрицание наличия тайны или следующие за раскрытием заявления о том, что она не имеет существенного значения, являются одной из самых распространенных практик авторов и сообщников создания тайны, более всего сбивающей с толку ее жертв.

В связи с этим возникает вопрос: насколько можно доверять свидетельствам жертв семейных тайн? Почему им следует верить больше, чем тем, кто опровергает секретную информацию или отрицает само существование тайны? Мне кажется, что именно это сочетание: сомнений одних, отрицания других и общей путаницы в их рассказах как раз и является доказательством существования и влиятельной силы тайны. Вот почему я считала «правдой» то, что мне говорили; правдой в том смысле, что информация, полученная в ответ на мои слова о том, что я сама нахожусь в поисках ключа к семейной тайне, была наиболее правдивой из всего, что мне могли сообщить в тот момент, плюс сопровождающие эмоции. Ведь даже если рассказы свидетелей, включая мой собственный, не могут считаться выражением «истины», они являются, по крайней мере, выражением пережитого, прочувствованного и искомого. И именно в этом качестве они могут сопровождать нас к разгадке семейной тайны.

Свидетели, с которыми я общалась, не принадлежали к какой-либо конкретной социальной группе; я далека от мысли, что семейные тайны более распространены среди представителей определенного класса. Хотя, оценить это статистически не представляется возможным.

Далее я представляю вашему вниманию краткие описания, чтобы вам было легче ориентироваться, когда указанные персонажи будут появляться по ходу моего расследования, в

котором я предпочла не раскрывать все карты сразу. Реальность полна неожиданных поворотов.

Свидетели, с которыми я встречалась

Ариан: пятьдесят лет, не замужем. После экспериментов в различных профессиональных областях Ариан выбрала религиозный путь, но через двадцать лет оставила его. Сегодня она руководит деятельностью социального дома, в котором проживают люди, оказавшиеся в трудной ситуации. В детстве ей казалось, что родители что-то скрывают о ее бабушке по материнской линии. Только когда ей исполнилось сорок пять лет, мать призналась, что дед убил свою любовницу и был приговорен к каторге. Родители Ариан узнали об этом из газет. Они тогда покинули родительский дом и сменили работу, порвав все связи с семьей; например, отец Ариан больше никогда не желал видеть своих братьев. Двадцать лет спустя дед Ариан был репатрирован во Францию конвоем Армии спасения и попытался возобновить отношения с семьей, которая ответила ему отказом. Он уехал жить в провинцию, где его приютили постоянные люди, которые позволили ему заниматься прежней профессией. В ходе исследований, проведенных Ариан, чтобы понять, что произошло на самом деле, она разыскала приютившую деда семью, которая, как оказалось, сохранила о нем самые добрые воспоминания. После этого в течение долгого времени они регулярно встречались во время рождественских праздников. В то же время братья Ариан не пожелали, чтобы их дети узнали историю своего прадеда. Возможно, именно поэтому у них теперь возникают трудности с социальной интеграцией?

Орели: ей было трудно поверить, что она дочь своей матери, и внешне она мало походила на своего отца. Орели ушла из дома после особенно жестокой ссоры и вскоре после этого узнала от брата, что она дочь некоего Лино. Позже, сравнивая свое детство с детством подруг, она поняла, что не было ничего нормального в том, что ее часто били, выгоняли на улицу, когда там шел снег, и регулярно запирали в чулане. При этом ее родители, которые, кстати, являются учителями и истинно верующими католиками, не верят дочери, когда та говорит, что такое воспитание доставляло ей страдания.

Бернар: мать устроила ему сюрприз в день его свадьбы.

Кармен Ленорман: она почти убедила меня в том, что вполне нормально носить имя Кармен, если ты приходишь из старинного нормандского рода. Но однажды она поведала мне тайну своей семьи, уточнив при этом, что родители остаются в уверенности, что ей ничего об этом не известно.

Клэр: в детстве ей казалось, что она занимает место другой девочки, которая была бы «лучше» нее (то есть более послушной, прилежной и благодарной своим родителям, которые делали для нее все, что могли). Однажды тетя научила ее обращаться с маятником...

Кувер (семья): следы этой семьи обнаруживаются в Арденнах с 1570-х годов. Многие из ее потомков, переживших многочисленные массовые убийства и исходы, выпавшие на долю жителей этого региона, до сих пор проживают там по обе стороны от границы.

Доминик: девушка-подросток, замкнувшаяся в своем «необъяснимом» молчании и бунте.

Эли: ему семь лет, его отец ремесленник, а мать учительница. Отец бьет мать, и Эли не видит этому объяснения.

Жермен: бывший технический директор, досрочно вышедший на пенсию, с дважды шунтированным сердцем, он уже тридцать лет живет с Франсуазой. Кроме этого, он является отцом тридцатипятилетней Фанни, которую родила от него Мари. На протяжении всех этих тридцати пяти лет он соглашался выступать в роли крестного отца Фанни, проводя выходные и каникулы у Франсуа и Мари, «родителей» Фанни. Когда Мари умерла, Жермен признался Фанни, что он ее отец.

Хельмут: выходец из семьи крупной немецкой буржуазии, он работает антикваром в Париже. Когда ему было три года, его забрала из детского приюта и усыновила супружеская

пара. Новым родителям Хельмута было за шестьдесят, и у них уже было четверо взрослых детей. В возрасте девяти лет Хельмут узнал от «отца», что является приемным ребенком и что его старшая сестра на самом деле его мать, а он, его приемный отец, приходится ему дедушкой.

Жюли: моя племянница и крестница довольно своеобразным образом подтверждает, что является потомком некого Жюля. Кстати, традиция подтверждать родство через передачу имен и/или дат рождения существует во многих семьях. Возможно, вы убедитесь в этом, составляя собственное генеалогическое древо...

Лелия: ей было одиннадцать месяцев, когда мать, встревоженная поведением девочки, заставила отца признаться в том, что он ее насилует. Лелия находилась на грани аутизма. Отец Лелии не знал имени собственного отца – его мать унесла эту тайну с собой в могилу, а бабушка отказывалась говорить. Он подвергался жестокому обращению в приемной семье, куда после смерти матери его передали органы опеки. Возможно, в детстве он сам стал жертвой сексуального насилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.